

1931

著者(英)	A.D. Simukov
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	75
page range	127-142
year	2008-03-21
URL	http://doi.org/10.15021/00008819

А. Симуков

Заметки о положении на периферии МНР за 1931 год¹⁾

В текущем году мне пришлось объехать довольно значительную часть МНР, большей частью по глухим районам. Считая целесообразным зафиксировать свои мимолетные впечатления и наблюдения по различным отраслям жизни страны, я привел в порядок некоторые свои записи, восстановил в памяти незаписанное, в результате чего и получились настоящие «Заметки».

1. Вопрос об уходе за границу населения южной приграничной полосы.

Известные факты сводятся к следующему. В течение последнего года имел место переход границы значительным числом хозяйств (200-300, а может быть, и больше) трех южных аймаков: Южно-Гобийского, Убур-Хангайского и Алтайского. Уход этот происходил в разных направлениях, из которых главнейшие: Шарцзан сумэ (аймак Уратов и сев. Алашань), Эцзин гол и почти безлюдные пространства Западной Гоби (напр., хр. Цаган богда). Уход совершался как отдельными семьями, так и партиями, причем уходившие в случае погони оборонялись, уводили насильно с собой пограничных стражников и т. д. Уходили не только кулаки, но и середняки и бедняки, ламы и миряне, партийцы и беспартийные. Были случаи ухода довольно видных в местном масштабе партийных и административных работников (сумунный дарга, секретарь сумунной ячейки РСМ). Далее, часть ушедших возвращалась уже в виде вооруженных банд, агитировавших среди населения, грабивших кооперативы и т. д. Это, впрочем, известно мне главным образом относительно Южно-Гобийского аймага. Западнее о подобных случаях я почти не слыхал. По прибытии на границу одного из инструкторов ГВО²⁾ и небольшого отряда, бандитизм более или менее

---

1) Опубликовано в журнале “Восток” РАН, 1994, №5, с.145-156 с комментарием и примечаниями д.и.н. Н.Л.Жуковской (*прим. сост.*).

2) ГВО - Государственная внутренняя охрана. Создана в 1922 году, впоследствии переименована в Министерство внутренних дел.

прекратился. Излагать все в подробностях нет смысла, т. к. все это зафиксировано органами ГВО. Я же, со своей стороны, попытаюсь дать некоторый анализ этих событий. Остановлюсь на Южно-Гобийском аймаке, как наиболее мне известном.

Южная окраина этого аймага была с давних пор в загоне. Громадное расстояние от Уланбатора (600-700 км), при отсутствии регулярного, удобного и быстрого сообщения, нежелание большинства работников ехать в такую глушь привели к тому, что окраина эта оказалась предоставленной самой себе. Связь с центром свелась к бюрократическому минимуму - довольно слабой переписке. В результате никакой политической работы не велось. Такие важные моменты, как конфискация имущества феодалов, колхозное движение, принимали здесь уродливую форму. Конфискация была неполная (например, имущество гэгэна мон. Байшинту), в колхозы бедняков сгоняли силой и селили их... у монастырей. До лета 1931 года мне неизвестны случаи приезда в данный район более или менее крупных политических работников. Таким образом, надо считать, что революционная пропаганда здесь почти отсутствовала, в то время как контрреволюционная агитация со стороны ламства и кулачества с их подголосками процветала, имея немало пищи.

С организацией новых аймаков положение не изменилось, т.к. временным центром Южно-Гобийского аймага был избран Дэлгэр хангай, находящийся на расстоянии 250-350 км от окраинных сумунов. Живая связь по-прежнему почти отсутствовала.

Таким образом, такой важный политический фактор, как классовое расслоение худонского населения и монастырских лам, отсутствовал до самого последнего времени почти нацело. Беднячество и середнячество до сих пор не осознали себя как класс и в большинстве слепо идет в поводу у кулаков и лам. Уход за границу большого числа семей заставил всполошиться работников аймага и центра, и центр Гурбан-сайханского хошуна - Баян тухум - стал «модным» местом. При мне там подолгу жили все видные работники аймага (председатель, секретарь парткома и т.д.) и приезжавшие в аймак работники центра, например, Самдан, Сандуй и т. д. Но было уже поздно. Явная связь между уходом населения за границу и неожиданным наплывом политических работников лишала почвы их пропаганду, упиравшуюся в глухую стену недоверия и неприязни. Можно сказать почти наверняка, что пропаганда эта не дала почти никаких результатов (мнение кое-кого из местных работников). Для прекращения перекочевков пришлось прибегнуть к физической силе, в лице вызванного пограничного отряда, - способу, безусловно нежелательному политически.

Итак, отсутствие политической работы в этой заброшенной, но

важной, ввиду близости Китая и соседства племен Внутренней Монголии, окраине есть первая причина очерченных выше событий.

С перекочевкой аймага на новое место, уже законченной (конец октября сего года), обстоятельства с этой точки зрения должны измениться к лучшему. Новый аймачный центр, расположенный на 200 км южнее Дэлгэр Хангая, сможет поддерживать теснейшую связь со всей пограничной полосой и действительно обслуживать ее, чего до сих пор не было. Именно этот фактор в сильной степени повлиял на выбор мною (по поручению ЭКОСО) кл. Далан цзадагай³⁾ как места для аймачного центра. Кроме того, мною же было выдвинуто предложение об уменьшении территории Южно-Гобийского аймага путем передачи нескольких северных его сумунов Центральному аймаку. В данном случае я имел в виду, помимо ландшафтно-географической общности этих сумунов с Центральным аймаком, еще и уменьшение сферы деятельности работников Южно-Гобийского аймага для лучшего обслуживания юга. Предложение это было утверждено Экономсоветом, как и намеченный мной новый аймачный центр.

Второй причиной перекочевок местного населения за границу было, весьма вероятно, обилие зажиточных хозяйств в бывшем хошуне Гурбан сайхан. Еще прошедшей зимой, вычисляя, в связи с одной своей работой по скоту, соотношение социальных групп худонского населения по всем хошунам МНР, я обратил внимание на то, что за исключением иммигрантских бурятских хошунов востока республики, определенный социальный состав которых (в смысле весьма низкого процента бедняцких хозяйств) вполне понятен, хошун Гурбан сайхан дает наименьший для всех собственно халхасских хошунов процент бедняцких хозяйств (до 20 хуби⁴⁾) - 45% (по данным 1929 года). В то время я не сделал из этого факта соответствующего политического вывода, что можно было сделать, связав этот факт с отдаленностью данного пограничного района и с отсутствием политической работы в нем. Но по приезде в Гурбан сайхан, узнав о происходящем, я сразу же вспомнил о вышеприведенной цифре, которая, на мой взгляд, имеет большое значение при учете перспектив классового расслоения и классовой борьбы в данном районе.

Наконец, несомненной третьей причиной всей этой истории была чрезвычайно плохая работа Монценкопа⁵⁾, единственной торговой организации в районе (палаток Стормонга здесь нет). Для полного понимания обстановки необходимо учесть товарное снабжение района в

3) Далан Дзадагад – центр Южно-Гобийского аймага.

4) *Хуби, хувь* (монг.) – доля, часть, пай.

5) Монценкоп, МНЦК – Монгольская кооперация взаимопомощи.

недавнем прошлом. Помимо сети китайских лавок с их гибкой, приспособленной к кочевому быту гобийцев организацией, почти всегда хорошо снабженных привычным монголу ассортиментом товаров, благодаря близости крупных торговых центров Китая (Баоту, Хуху хото)⁶⁾ и наличию ведущих к ним хороших караванных путей, существовало и, так сказать, «самоснабжение» населения. Каждую осень все более или менее зажиточные хозяйства, начиная с середняков, организовывали небольшие караваны и, погрузив сырье, отправлялись сами в большие торговые центры Китая, где продавали сырье и покупали товар почти по оптовым ценам в крупных фирмах, минуя посредников. Хлебопродукты, например, они получали часто непосредственно от производителя по очень низким ценам. Вся эта операция с дорогой туда и обратно занимала 30-35 дней. Таким образом, юг в то время снабжался прекрасно. Страдали, конечно, бедняки, не имевшие возможности съездить в Китай. Их обирали как китайцы, так и свои же монголы, перепродававшие им привезенный товар с барышом. Такое положение существовало до 26-27-го года, когда начались стеснения с переходом границы (требовалось разрешение от хошуна и, одно время, от аймага), кончившиеся полным запретом его. Память о путешествиях в Китай, конечно, очень свежа и, при отсутствии товаров в палатках МНЦК, служит хорошим средством контрреволюционной агитации.

При такой обстановке и пришлось развертывать торговую сеть Монценкопу (на окраине - приблизительно 1928-1929 годы). Состояние этой сети в 1931 году было весьма печальным. База (Шарангутай) была завалена мукой, имелся запас чая. Мануфактуры почти не было. Сахара - тоже. По южной периферии же не было почти ничего, особенно в сумунных палатках. Узким местом, помимо недостатка на базе определенных товаров (мануфактура), оказался транспорт. Райконтора №12 не учла особенностей верблюжьего транспорта, именно негодности верблюда для летних перевозок, и не забросила своевременно, т.е. зимой и ранней весной, на периферию полугодового (минимум!) запаса. Возможно, что именно в это время и самая база была без товара. Тогда вина падает и на райконтору, и на правление. Первая не будировала своевременно этот вопрос в правлении, а последнее, в свою очередь, не позаботилось в достаточной мере о южной периферии. Но о работе МНЦК вообще - см. ниже. Здесь я лишь отмечаю, что наличие пустых лавок МНЦК было скорее серьезным политическим минусом, нежели плюсом.

Таким образом, комбинация указанных трех факторов и сыграла почти

---

6) Баотоу, Хух-Хото – города в автономном районе Внутренней Монголии, КНР.

решающую роль в происхождении вышеописанных событий.

Отмечу, что брожением были охвачены гораздо большие круги населения, чем ушедшие 200 юрт. Одно время замечалась перекочевка с северного склона Сайханов к югу и ненормальное стягивание населения к определенным пунктам, не оправдывавшееся кормами для скота и водой (район нового аймачного центра до перекочевки туда аймага и особенно ключ Баян-далай). Население очень туго сдавало верблюдку и охотно - баранку, т.к. за рубежом первая шла хорошо, а вторую почти не покупали. Контрактация верблюдов на осень также шла чрезвычайно туго. Цены на верблюдов стояли высокие. Оставшаяся публика весьма интересовалась вопросом, могут ли власти потребовать у Внутренней Монголии возвращения беглецов, какое будет им наказание, что сделают с добровольно вернувшимися и т.д.

Заслуживает внимания и тот факт, что состояние кормов во всей пограничной полосе было в этом году исключительно хорошим, чего нельзя сказать о прилегающей полосе Внутренней Монголии (особенно о районе Эцзин гола), вообще отличающейся пустынностью. Таким образом, беглецы теряли прекрасные пастбища в родных, привычных местах, меняя их на плохие пастбища за границей, где на лучших участках, безусловно, сидели хозяева. В результате у бежавших стал падать скот.

2. Колхозное движение. Специальным анкетным изучением состояния колхозов по маршруту моей экспедиции занимался ездивший со мной студент Ленинградского Вост. института им. Енукидзе В.Д.Якимов. Я же в этом вопросе ограничился ролью наблюдателя со стороны. Было чрезвычайно интересно сопоставить колхозы южной окраины с колхозами Ара-Хангая.

Первоначальная организация колхозов на юге приобретала нередко (Гурбан сайхан) весьма уродливые формы. По приказу хошунного управления, бедняков чуть ли не силой сгоняли с привычных, насиженных мест в кучу, почти не давая разъяснений о задачах колхозного движения, и силой же держали их, грозя, в случае ухода, тюрьмой, потерей имущества и т. д. Верхушке было важно отписаться, что колхоз в таком-то количественном составе организован и существует. В результате такой колхоз превращался в богадельню, где преобладали безработные старухи и старики с едоцкими настроениями. Гурбан сайханский колхоз вдобавок почему-то поселился под самыми стенами крупнейшего в районе монастыря. Такая комбинация, конечно, не осталась без последствий в смысле контрагитации. Одно время в главнейших колхозах (Шанхай ула, Гурбан сайхан, 1930 год) работали инструктора-монголы из центра, люди более

или менее энергичные. В этом же году их не стало, и колхозы, за исключением временных наездов политработников из аймага и центра, были предоставлены самим себе. Это обстоятельство не замедлило отозваться на работе колхозов в сторону ее ухудшения. В Шанхай уле мы слышали жалобы на нежелание членов колхоза работать для больницы, школы, указания на невозможное состояние колхозного скота и т.д. Председатель этого колхоза при опросе его Якимовым усердно занимался очковтирательством, и потребовалось немало усилий, чтобы выяснить истинное положение колхоза. Словом, слабость политической работы на юге сильно сказалась и в отношении коллективизации.

Тем не менее, несмотря на плохо поставленную работу, число колхозов за последнее время несколько увеличилось. К сожалению, я не имел возможности подробно расспросить новых колхозников о стимулах, побудивших их к вступлению в колхоз. Часть колхозников, впрочем, существует больше на бумаге, живя за десятки верст от места пребывания самого колхоза.

При осмотре Биггэр-нурского колхоза мы узнали, что пашни, которыми занимаются почти все колхозники, еще не обобществлены. Штрих достаточно любопытный и характерный. Лишь с будущего года предполагалось обобществление незначительной части пашен. Далее, земледелие в Алтайском аймаке распространено довольно сильно, особенно принимая во внимание монгольские масштабы вообще. И до сих пор даже крупные, по-местному, земледельческие оазисы не получили даже самых простых современных орудий производства и пользуются допотопными сохами. Борон нет. Во всем районе мы только в одном месте видели коллективную уборку урожая. Это было в местн. Халюн, на пашнях Ленинской коммуны (невдалеке от Хан тайшири).

Таким образом, колхозы южной полосы оказались весьма слабыми. В сильнейшей степени сказалась заброшенность всей южной трети Республики, выразившаяся в крайней слабости политической работы, тем более что приезжающие политические работники нередко увлекаются «международным положением», говорят о колхозном движении «вообще», не стараясь или не умея подойти к делу вплотную, практически.

Основные необходимые мероприятия по оздоровлению южных колхозов на ближайшее время должны быть следующие: по возможности очищение колхозов от нетрудоспособного балласта, развивающего едоцкие тенденции; проверка колхозной администрации, более полное обобществление орудий производства, скота, пашен и, одновременно, изыскание новых объектов деятельности для использования рабочей силы и поднятия общего благосостояния колхозов. К последнему надо подходить

особенно обдуманно, имея в виду будущие перспективы юга. Лучше продумать основной план в Уланбаторе.

Совершенно иное впечатление производят колхозы севера. Случайная остановка в Цэцэрлиге дала возможность объехать небольшой район по Хойту Тамиру, известный мне еще с 1928 года. Затем я проехал по нему в 1930 году. Таким образом, получился материал для сравнения и учета прогресса данного района. Короткое знакомство со многими из местных жителей, преимущественно бедняками, ходившими в 1928 году у меня в проводниках, позволило проникнуть, так сказать, в самую суть дела, насколько позволяло время.

В 1928 году все еще шло здесь более или менее по старинке. Так, сбор пожертвований в пользу монастырей шел через сумунные власти, при их содействии, официально номинальном. Верхушку сумунов составляли большей частью «крепкие» хозяева кулацкого типа, бывшие частью партийцами старой формации (до 7-го съезда). Беднячество было раздроблено, и в районе процветал национал-демократический «мир и порядок». Интересы большинства сосредоточивались на обыденном - хозяйстве, кормах, охоте и т.д. Прошло два года. Осенью 1930-го я снова попал на Хойту Тамир и объехал всех старых знакомых. Картина резко изменилась. В тихое болото властно ворвались новые факты, новые течения, новые интересы. Только теперь началась настоящая революция, захватившая так или иначе всю толщу населения. Наиболее сознательный из моих приятелей был уже в коммуне. В каждой юрте после обычных приветствий сразу же начинался живой разговор о новом: о колхозах, об уходе лам из монастырей, о джасской⁷⁾ кампании и т.д. Масса была остро заинтересована происходящим, бедняки начали чувствовать, что приходит их время, но от активного выступления в большинстве, видимо, воздерживались, лишь в дружеской беседе жалуясь на те или другие искривления, указывая различные промахи и недостатки. Сущностью колхозного движения интересовались решительно все, и буквально в каждой юрте мне приходилось разъяснять выгоды вступления в колхоз, самую суть колхозного движения. В качестве примеров приходилось приводить колхозы Союза, т.к. местные переживали серьезную болезнь. Общение с представителями низов Хан ундурской коммуны позволило выявить безобразное состояние этой коммуны, принесшее в свое время несомненный политический вред. Верхушка, сгруппировавшаяся около инструктора, присланного Колхозцентром (монгола), зажала рты колхозной массе и вытворяла что хотела. Ее поведение хорошо отразилось в ходившей

---

7) *Джаса* (монг.) – монастырское хозяйство.

среди колхозных низов и окрестного населения фразе: «новые дворяне хуже старых», где под «новыми дворянами» («тайчжи») подразумевалась именно эта верхушка. Дело было поставлено довольно тонко. Всякая самокритика на общих собраниях (очень редких) подводилась под рубрику «уклона». В аймаке были свои люди. Приезжавший инструктаж и «обследователи» ограничивались общением с верхушкой и получением от нее официальных сведений, не пытаясь снизойти до низовой массы, проникнуть в ее нужды. Ясно, что дачей официальных сведений администрация колхоза замазывала истинное положение дела. Все это происходило всего в 50 км от Цэцэрлига⁸⁾, при обилии всяких «высоких» посетителей. За уход из колхоза грозила тюрьма, которой вообще пользовались нередко, и потеря имущества. Делегатами на первый Колхозный съезд были избраны, конечно, представители той же верхушки (этот факт проверен). Обо всем этом я в свое время поставил в известность кое-кого из ездивших в Цэцэрлиг работников и просил их обратить на Хан ундурскую коммуну особое внимание.

Старая зажиточная верхушка стала терять влияние в низовых партийных кругах и частью отошла от партии (чистки и т. д.) и управления, недоброжелательно смотря на происходящее и шушукаясь с ламами.

В текущем 1931 году я уделил два дня на новый объезд этого района, побывав у всех старых знакомых. Опрос их (в порядке дружеской беседы) обнаружил громадные сдвиги, произошедшие за один год. Все эти люди оказались уже колхозниками, частью даже организаторами колхозов. Весь район верхнего и среднего Хойту Тамира приближается к стопроцентной коллективизации. Бедняцкая и середняцкая масса в основном втянута в движение. В разговорах уже не приходилось разъяснять сути колхоза, а надо было давать более конкретные указания. В отдельных случаях чувствовался подлинный организационный энтузиазм и желание перегнать по качеству работы старую Хан ундурскую коммуну, ошибки которой были для всех более или менее ясны. Появились посевы хлебов, при мне происходила заготовка сена.

Члены Хан ундурской коммуны сообщили мне, что их положение по сравнению с прошлым годом также улучшилось. Верхушка была сменена, оставшиеся образумились. Общее заключение их: основные искривления изжиты, на очереди, так сказать, изжитие уже мелких неправильностей и неполадок.

Конечно, все эти сдвиги все же еще не обеспечили исчезновения многих неправильностей, общих почти всем колхозам. Так, колхозники

---

8) Цэцэрлэг – центр Ара-Хангайского аймага.

указывали мне в некоторых случаях на полное отсутствие отчетности колхозной верхушки перед массой колхоза, что, безусловно, чрезвычайно вредно. Колхозникам неизвестно состояние финансов своего колхоза, о ссудах, взятых в банке, они узнают неофициально *post factum* и т.д. Вообще масса в хозяйственную работу втянута слабо и обычно является просто слепой исполнительницей работ по наряду верхушки, причем часто будучи в неуверенности, заплатят ли, и если да, то сколько. Куда идут всякие отчисления и т.д., колхозники часто не имеют представления. Понятно, что колхозники не особенно рвутся получить наряд, сплошь и рядом смотря на эту работу как на повинность. Качество работы зачастую весьма низко. Я наблюдал на колхозных сенокосах крайне небрежное отношение сенокосных бригад к работе. Количество скошенного сена совершенно не соответствовало наличию сенокосилки, сроку работ и количеству людей, прекрасно при этом питавшихся.

Попытки, например, демобилизованных народоармейцев, кое-чему научившихся в Уланбаторе, исправить некоторые недочеты встречают иногда сопротивление верхушки колхоза, по-своему истолковывающей получаемые инструкции, не популяризируя их.

Хорошей постановке колхозных общественных работ вредит, помимо частого отсутствия непосредственной материальной выгоды в виде достаточной и реальной зарплаты, еще и следующее обстоятельство. Процент обобществления имущества большей частью совершенно незначителен. Кроме того, нет твердой установки обобществлять реальные средства производства. Поэтому вступающий в колхоз часто сдает в обобществленное стадо ненужную ему дрянь, как бы платя известную дань за право именоваться колхозником, и в дальнейшем считает себя свободным, работая от себя где и как ему заблагорассудится, опираясь на оставшееся у него хозяйство. Ясно, что при таких условиях наряд на колхозную работу, помимо отсутствия материального интереса, нарушает его собственные планы, отнимает время и т.д. Словом, при незначительном проценте обобществления отсутствует стимул к колхозной работе, нет необходимости принимать в ней участие, улучшать и расширять ее, так как колхозник на базе своего необобществленного хозяйства легко просуществует и без этой работы. С другой стороны, обобществленное стадо нередко бывает мертвым капиталом вследствие его плохого разнокалиберного состава и незначительной величины. Его просто трудно использовать. Таким образом, теряется самый смысл обобществления, тем более что за пастьбу этого стада надо еще платить пасущим его колхозникам.

Несколько слов о посевах. К этому вопросу необходимо отнестись с большой внимательностью. В этом году я видел впервые засеянный

колхозами бывшего Хан ундурского хошуна участок земли примерно в 30 га. Это первый опыт земледелия на Хойту Тамире. Сеяли три или четыре артели. Обработка земли хорошая. Хлеб сеяли вовремя (сев закончили в начале июня). Вырос он хорошо, но зерна почти не было. Опыт оказался неудачным. Сеяли пшеницу, овес и просо. Лето было дождливое, холодное. Произошла ли эта неудача вследствие обильной поливки плюс дожди, или местный вегетативный период оказался коротким для высеянных культур (что можно было предположить, зная абсолютную высоту места и его ландшафт, заранее) - я судить не берусь. Но мое мнение таково, что к подобным опытам надо относиться бережно и по возможности предупреждать подобные неудачи. Налицо казенное отношение к делу со стороны ведающих этим учреждений. Выданы орудия, семена, но нет живого участия, нет проверки, что можно здесь сеять, некому последить за результатами, посоветовать, как вести дело. В результате этот опыт также неудачно, уже с меньшим рвением, может быть повторен в будущем году, а затем желание сеять исчезнет у местных колхозников вовсе. Вместе с тем, при должном внимании к делу со стороны компетентных учреждений, этих неудач можно было бы избежать и дать району прекрасные посевы, скажем, ячменя — культуры с более коротким вегетативным периодом. А все это происходит в двух шагах от автодороги и в 30 км от Цэцэрлига, где проезжает и останавливается так много разных работников и специалистов. Колхозники знают, где зарыта собака, и жаловались мне на отсутствие агрономической помощи. Я высказал им свои предположения относительно посевов будущего года, но подчеркнул, что специалистом себя не считаю и говорю предположительно. Было поистине досадно смотреть на посеянные в прекрасном месте рослые хлеба, стоявшие почти без зерна.

3. Работа МНЦК. Работа этого учреждения, колоссально важная политически, имеет очень много недостатков, частью, правда, связанных с плохой работой транспорта. Насколько мне известно, СССР имеет полную возможность снабжать Монголию товарами первой необходимости в полной мере и делает это. Таким образом, перед Монценкопом стоит задача планомерно построить завоз товара на территорию МНР, правильно составить ассортимент необходимых для населения товаров, дифференцировав его по районам, с учетом их особенностей, и планомерно же построить снабжение нужным ассортиментом всех, даже самых отдаленных, углов страны. Именно с этой основной задачей товароснабжения, от которого зависит и заготовка всех видов сырья, и, очень часто, даже политическая работа, МНЦК, на мой взгляд, справляется плохо. Вина лежит главным образом на центральном аппарате, а не на «стрелочниках», разбросанных по периферии,

с которых спрашивать нечего. На деле все время приходится отмечать несвоевременную заброску товаров, крупные ошибки в ассортименте их, неравномерное снабжение разных районов, перерывы в снабжении и т.д. Все эти факты в сильнейшей степени уменьшают доверие к этой организации и подрывают политическую работу на периферии. Почти перманентно пустые лавки попросту помогают контрреволюционной агитации, заставляя вспоминать китайскую кабалу как время изобилия товаров.

Приведу несколько конкретных фактов, отчасти повторяясь, так как на некоторые из них было указано в п.1 настоящих «Заметок».

Южно-Гобийский аймак. Во второй половине июня (так сказать, начало наблюдений) на базе (Шарангутай) имелась в очень большом количестве мука, довольно много чаю. Далемба⁹⁾ почти отсутствовала. Сахар - тоже. Примерно с мая начался сезон застоя верблюжьего транспорта, то есть время, когда верблюд линяет, нагуливается и к работе не годен. Факт общеизвестный. Но почему-то именно в июне руководители райконторы №12 прилагали все усилия к тому, чтобы достать верблюдов. Дело доходило до предложений мобилизовать частный и колхозный верблюжий транспорт, к счастью неосуществленных. Усилия эти, с одной стороны, оправдывались положением на периферии, но неужели нельзя было всего предусмотреть и получить и перебросить товар в то время, когда верблюд еще годен? Неужели нельзя избежать перерыва в снабжении периферии на несколько месяцев? Что должны сказать владельцы верблюдов, будь то колхозы или частники, когда райконтора вкупе с аймаком ведет усердную агитацию за перевозки именно тогда, когда верблюжий транспорт почти негоден и работа наносит ему значительный вред? Я не в курсе предшествовавших моему приезду «объективных» условий и даю факт как таковой.

Два слова о самой райконторе, вернее, о ее местонахождении. Более скверное место трудно было выбрать. Шарангутай выезжал исключительно на путях сообщения. Основным минусом (не считая личных неудобств — плохой воды, климата и т.д.) я считаю удаленность от аймага на 100 км, в то время как необходимо было держать с ним регулярную связь, и полное отсутствие местного населения на большом расстоянии вокруг Шарангутая в течение круглого года. Получилась полная оторванность от населения, слабая связь с аймаком, контора варилась, так сказать, в своем собственном соку.

Периферия же сидела в это время почти без товара. Муку выдавали либо пайками по несколько фунтов, либо ее совсем не было. Лавки стояли

---

9) Далемба – дешевая хлопчатобумажная ткань.

почти пустые. И это в начале лета, при засухе, когда надежда на молочные продукты была плохая. При этих условиях потребителю (он же сдатчик сырья и поставщик скота!) приходилось за десятком фунтов муки ездить каждый раз за несколько десятков километров (до 60-70). Естественно, что темп заготовок был более, чем слабый. При общей политической неподготовленности населения для проведения каких бы то ни было заготовок надо было прежде всего дать товар. А его-то и не было.

Вследствие засухи в ряде районов, имевшей место в начале лета, местность в окрестностях будущего (ныне уже настоящего) аймачного центра, благодаря хорошим кормам, была очень густо заселена. Здесь скопилось огромное количество скота. И все же ни одна первичка (это место расположено на границе б. хошунов Шанхай ула и Гурбан сайхан) не позаботилась выслать на это место палатку либо агента-скотозаготовителя, хотя последнее было уже совсем просто. Палатке, правда, почти не было с чем выезжать. Это образец отсутствия гибкости аппарата и его неумения подойти вплотную к нуждам населения.

Слабо было дело и с инструктированием низовых кадров сырьевщиков и скотозаготовителей.

Общественность ни в коей мере не была мобилизована вокруг кооперативной работы.

Столь плохо поставленная работа во многом зависела от инструктора райконторы, человека очень слабого и безвольного, не умевшего правильно поставить себя с населением. Даже низовая периферия отзывалась о нем пренебрежительно, а дарга райконторы вертел им как хотел. Как пример можно указать, что сотрудники райконторы ездили в Уланбатор для «проталкивания» всяких дел не по способности сделать это, не по признаку непосредственного отношения к тому или другому делу, а в порядке... очереди. Ясно, что в Уланбаторе они занимались больше своими делами и вообще «проветривались». Прежний инструктор (т. Кислицын) был гораздо более на месте, и о нем отзывались с уважением. Центральной конторе была известна слабость заместившего его товарища, но ничего для смены его в течение полугода сделано не было. Вообще, положение, когда ответственнейшая хозяйственно-политическая работа страдает потому, что работники (которых в распоряжении Глав. конторы все-таки много) не желают ехать на окраину, потому что там «эта ужасная пустыня, нет людей и, знаете, приходится жить - какой ужас! - в юртах...» - я считал бы в корне неправильным. С одной стороны, надо постараться улучшить бытовые условия работников на окраине, но с другой - нажать и на них. Работать нужно, и необязательно, чтобы место работы было бы дачей вроде Цэцэрлига, Ламаин хуриэ и т.п. мест. В настоящее же время окраинные

райконторы, обслуживающие огромные пространства, граничащие с Внутренней Монголией и Китаем (Алтайский, Южно-Гобийский и Восточно-Гобийский аймаки), не имеющие (кроме восточной Гоби) быстрой телеграфной или другой связи с центром, получают в качестве руководящих работников только что приехавших студентов, думающих о скором возвращении, или вообще какую-нибудь незначительную величину «на затычку». Положение, по существу, нетерпимое. Очень характерно частное письмо, полученное кем-то в Хан тайшири от бывшего инструктора тамошней райконторы. Он пишет: «... Меня назначают (или собираются назначить) инструктором двух гобийских контор. Жить буду, вероятно, в Уланбаторе...». Интересно, к чему может привести такое инструктирование, когда оба обслуживаемых пункта удалены от места жительства инструктора на 350-400 км (а сейчас один передвинулся еще на 200 км) и расстояние между ними равно минимум 300 км бездорожья, а регулярного сообщения не существует?

Вплоть до осени положение на периферии Южно-Гобийского аймага почти не изменилось. Товары поступали небольшими порциями, многого не хватало, и лавки перебивались, так сказать, с кваса на воду. Верблюды вошли в силу, стал пригоден для дальних перевозок, но об использовании этого сезона для перебросок товара в запас, во избежание повторения ошибок, ничего не слышно. Вообще, на этом фронте «без перемен».

В Алтайском аймаке дело обстояло еще хуже. Если в Шарангутае были завалы некоторых товаров (мука) и вопрос был только в переброске этих товаров на периферию, то здесь, в Хан тайшири, и база была совершенно пуста. Служащие пробавлялись старыми запасами и посылками от знакомых из Улясутая (Чжибхоланту). Это положение длилось месяцами, если только не целый год. На периферии также было совершенно пусто. По слухам, часть населения пила настой из трав вместо чая, а отсутствие муки и пшена грозило голодом. Местные работники ставят уход части населения за границу в прямую связь с товарным голодом в районе. Вся магистраль Ханга – Чжибхоланту – Хан тайшири может обслуживаться бычьим транспортом, так что верблюды с его сезонностью здесь ни при чем. Причины такого затяжного перерыва (если только это перерыв, а не перманентное состояние) в товароснабжении мне неясны, да они и вне моей компетенции. К концу моего краткого пребывания в Хан тайшири кое-что начало поступать. Пришло 15 (*sic!* На такой район!) телег с мукой, ожидали прихода 800 верблюдов с товаром. Любопытно, что дальнейшие сведения из Чжибхоланту последовательно сокращали эту цифру, доведя ее до 400, что создало затруднения транспорту, законтрактованному верблюдов по первой заявке. Сколько пришло в конце концов – не знаю. Понятно, что

такое положение привело к серьезным затруднениям в заготовках. Сначала рынок был заполнен деньгами, которые население не могло реализовать, а затем пошли отказы в сдаче сырья и скота на деньги. В отдельных случаях сдавали даже в долг, под товар. Получилось нечто вроде «озадачивания наоборот», где население озадачивало Монценкоп под товар.

И здесь следует отметить слабую работу инструктора. В должности поминструктора был студент-первокурсник, человек довольно слабый во многих отношениях, а инструктор жил в Чжибхоланту, имея еще свой особый район (Цзабханский).

Живя в Цэцэрлиге, я не заглядывал в лавки периферии Ара-Хангая и потому о положении дел на севере ничего конкретного сказать не могу. Слышал о недостатке товаров (особенно, кажется, чая) в Убур-Хангае, причем монценкопцы того района жаловались на продажу Стормонгом¹⁰⁾ больших партий чая в одни руки. Руки эти были притом ламскими.

Относительно большей чуткости в подборе ассортимента укажу на один из мелких фактов. Уезжая из Гурбан сайхана в Хан тайшири, я получил от нескольких местных монголов заказ привезти им зубные щетки, которых в местном кооперативе не было. Их не оказалось ни в Хан тайшири, ни в Цэцэрлиге (в последний они прибыли месяц спустя). Мало того, одно время их не было и в Уланбаторе. Потребность в этой маленькой принадлежности повседневной гигиены есть. Массам стараются привить культурные навыки, в том же Гурбан сайхане в кинопередвижке показывали культурфильм, касавшийся гигиены зубов, а щеток нет! Щетки - это ничтожная мелочь, показывающая отсутствие внимательности. Но есть и более серьезные вещи. Зачем забрасывать в безлесные места большие пилы? К чему шелковые чулки в Гоби? Нужные же мелочи подчас днем с огнем найти трудно.

После длинного, непрерывного ряда пустых лавок на периферии, услышав десятки и сотни жалоб на отсутствие товара, зная, что, говоря вообще, товар есть или должен быть, делается неприятно и обидно за худон, видя вокзальную суету массы служащих главной конторы МНЦК, большой магазин Универмага, где есть дорогая одежда, но очень часто не бывает ни куска далембы. Чувствуется, что большинству рядовых служащих нет дела до настоящего потребителя товаров и поставщика сырья - основы торговли Монголии.

4. Транспорт. Нельзя не отметить большую работу Монголтранса,

---

10) Стормонг – советская торговая организация, имевшая на территории Монголии право свободной торговли и заготовки сырья.

проведенную им хотя бы в области улучшения дорог за последние годы. Мосты и станки на главных трактах совершенно изменили характер автодвижения по стране.

Вместе с тем следует добиваться исправления тех крупных и мелких ошибок, так бросающихся в глаза постороннему наблюдателю.

Чем объяснить отсутствие в течение долгого времени резины и запчастей в Чжиргаланту (Хобдо), вследствие чего целая колонна новых автомашин так долго бездействовала? А ведь этот район далеко не из последних в смысле политической важности.

Почему получился прорыв в сообщении Цэцэрлиг - Хобдо, когда на участке Цэцэрлиг - Улан чулу пассажиры перебрасывались конными уртонами, с запада авто доходили до Цзаг байдарага, а участок в 30 верст между Улан чулу и Цзаг байдарагом остался пустым, и по этой причине на Улан чулу скопилось до 200 пассажиров, многие из которых просидели там чуть ли не месяц? Там были учителя чуть ли не всего запада, возвращавшиеся с курсов. Их ждала работа. Там были женделегатки. И их ждала политработа.

Отголоски прошлогоднего казуса с тысячами верблюдов, пришедшими в Алтанбулаг, когда там не было груза, и ушедшими за сотни верст обратно впустую, слышны и сейчас в самых глухих уголках. Как это должно влиять на контрактацию транспорта?

Неужели нельзя повлиять на безграмотную технически молодежь, беспардонно и безответственно губящую по небрежности и излишней самоуверенности дорогие машины, когда в последних такая нехватка?

В работе Монголтранса еще много неувязок, стихийности и сумбура, напоминающих временами МНЦК, с которым Транс так тесно связан.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

© 1994

Н.Л. ЖУКОВСКАЯ

Монголия, 1931 год. Уже 10 лет, как победила народная революция, и 7 лет, как провозглашена Монгольская Народная Республика. У нее много проблем: восстания в буддийских монастырях, уход части населения и отгон скота в Китай, экономическая разруха, беспомощность и безразличие чиновников от партии (МНРП) и народной власти к нуждам народа и многое другое, о чем впоследствии не раз переиздававшаяся "История Монгольской Народной Республики" напишет так (цитирую по

московскому изданию 1993 г.): “Контрреволюционная борьба свергнутого класса феодалов, иностранных купцов и примыкавших к ним национальных капиталистических элементов проявлялись в таких формах, как распространение клеветы, противодействие осуществлению революционных мероприятий, организация контрреволюционных заговоров и т.д. Все эти враждебные акции были направлены против коренных интересов монгольского народа и преследовали реакционную цель - уничтожить завоевания народной революции и народно-демократический строй в МНР” (с.366).

“Заметки” А.Д.Симукова о событиях тех лет, дошедшие до нас только сейчас, - это взгляд очевидца, интересный тем, что их автор смотрит на происходящее как бы с двух позиций: извне - все-таки русский, а не монгол, и в то же время изнутри - прожив в Монголии 8 лет, полюбив ее народ, сочувствуя ему в его невзгодах и понимая, что причина их часто не в том, что кругом враги, на дух не принимающие народную власть, а в том, что сама эта власть вызывает к себе негативное отношение народа, ибо слишком мало печется о его интересах и слишком много о своих. Автор “Заметок” не скрывает критического отношения к тому, что он увидел во время своей поездки по стране. Мы не знаем, пошли ли они впрямь тем, для кого писались. Теперь это уже не важно. Но нам полезно сегодня читать такие работы, чтобы лучше понять истоки того, что происходит в Монголии сейчас, и задуматься над параллелями из собственной истории.

Ни в каких особых комментариях “Заметки” А.Д.Симукова не нуждаются, разве что некоторые географические названия переданы в транскрипции 30-х годов, а сейчас пишутся несколько иначе, да ряд учреждений уже канули в вечность и их названия ничего не говорят современному читателю (см. примечания к “Заметкам”).